

**misterium**



misterium

**РУТ  
РЕНДЕЛЛ**

**ТРИНАДЦАТЬ ШАГОВ ВНИЗ**



Москва  
2015

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44  
Р39

Ruth Rendell

THIRTEEN STEPS DOWN

Copyright © 2004 by Kingsmarkham Enterprises, Ltd.

**Ренделл, Рут.**

Р39 Тринадцать шагов вниз / Рут Ренделл ; [пер. с англ. В. Михайлюк]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-699-80657-7

Микс Селлини никогда не любил число «тринадцать». Но к его квартире ведут ровно тринадцать ступеней, которые ему приходится преодолевать каждый день по несколько раз. Это бесит его. Он влюблен в фотомоделю, живущую по соседству, и ходит за ней как тень, а его маленькая библиотека в съемной комнате состоит только из книг, посвященных известному серийному убийце Реджи Кристи. Странноватого парня недолюбливает хозяйка дома, которая всю жизнь провела за чтением любовных романов и до сих пор мечтает о юном принце на белом коне. И хозяйка дома, и квартирант обитают в собственных странных мирах. Но кто сказал, что эти миры не способны столкнуться друг с другом? Это не так сложно – достаточно примерить чужой облик и сделать тринадцать шагов вниз...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Михайлюк В., перевод на русский язык, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80657-7

## Глава 1

Микс стоял там, где должна была быть улица. Первоначальное изумление и неверие отступили, и теперь его душило горькое разочарование. Как они посмели? Как могли уничтожить исторический памятник? Дом обязан был стать музеем, с мемориальной дощечкой на фасаде и садом, любовно сохраненным, достопримечательностью для туристов. А если бы им понадобился экскурсовод, то лучшей кандидатуры, чем он сам, просто нет.

Все было новым, аккуратным и бездушным. «Бездушный» — он с гордостью отметил, что сумел подобрать такое слово. Все такое *миленькое*, с отвлечением думал он. Типично для яппи. Конечно, он знал, что незадолго до его рождения название улицы сменили с Риллингтон-плейс на Растон-Клоуз, но это была даже не Растон-Клоуз.

Микс прихватил с собой старую карту, но она оказалась бесполезной: искать на этой карте улицы — все равно что выискивать черты ребенка в лице пятидесятилетнего. Правильно, пятьдесят лет.

Прошло полстолетия с тех пор, как поймали и повесили Реджи. Но если им так уж хотелось сменить название, могли бы повесить табличку «Бывшая Риллингтон-плейс». Или какой-то знак, чтобы прохожие понимали, что здесь владения Реджи. Сотни людей проходили по этой улице. Одни были полны надежд и разочарований, другие не знали историю этого места: их взгляду представляли только аккуратные кирпичные домики, любовно возделанные клумбы, бальзамины, герань и деревья с золотистой и светло-бежевой листвой.

Стояла середина лета: прекрасный день, безоблачное синее небо. Зеленели газоны. Розовый плющ увидал стену дома. Микс отвернулся. От злости сердце колотилось сильнее и громче — бум-бум-бум. Знай он, что все переделали, сто раз подумал бы, прежде чем снять квартиру на Сент-Блейз. Он пришел в эту часть Ноттинг-Хилла лишь потому, что здесь жил Реджи. Конечно, молодой человек знал, что самого дома больше нет, но был уверен, что, по крайней мере, местность будет узнаваема. Трусливые людишки избегали бы этой улицы, и только энтузиасты-интеллектуалы были бы здесь частыми гостями. Но по улицам ходили трусы — брезгливые политкорректные особи. Они только посмеются над такими, как он, подумалось Миксу, и станут кичиться тем, что на историческом месте строят безвкусные здания.

Собираясь на эту прогулку, Микс рассчитывал получить удовольствие. Удовольствие! Как часто в детстве обещанное удовольствие оборачивалось разочарованием. Даже слишком часто. И ничего не изменилось, когда он повзрослел и стал самостоя-

тельным. Но он не будет снова переезжать, тем более уже заплатил Эду за ремонт кухни. Микс повернулся спиной к симпатичным новым домикам, деревьям и цветочным клумбам, медленно пошел по Оксфорд-гарденс и свернул на Лэдброук-гроув, чтобы посмотреть, где жила первая жертва Реджи. По крайней мере, тут ничего не изменилось. Глядя на дом, можно было подумать, что его не ремонтировали с 1943 года, со дня смерти той женщины. Видимо, никто не знал, в какой именно комнате она жила, — в книгах об этом не упоминалось. Микс смотрел на окна, пытаясь угадать, какое из них «то самое», но кто-то обратил на него внимание, и он решил, что будет благо-разумнее убраться.

Перекресток Сент-Блейз-авеню и Оксфорд-гарденс был засажен декоративными вишнями, там располагался торговый центр, но дальше район становился все обшарпаннее — муниципальные дома шестидесятых годов, лавки, химчистки, магазины, торгующие запчастями для мотоциклов. И особняк, единственный на всю округу, который не поделили на квартиры. Сент-Блейз-хаус. Лучше бы снесли все это, подумал Микс, покидая Риллингтон-плейс.

Никаких вишен, только огромные пыльные деревья с крупными листьями и ободранной корой. Отчасти из-за них район казался слишком темным. Микс остановился перед особняком и, как всегда, задумался, какого черта старуха не продала его давным-давно.

Трехэтажный, некогда побеленный, а теперь серый, лестница, ведущая к внушительной парадной двери, почти скрытой в глубинах крыльца с колонна-

ми. Почти под карнизом находилось круглое окно, в то время как остальные были прямоугольными. Все настолько грязные, что казалось, будто их не мыли много лет.

Микс вошел внутрь. Когда он впервые здесь оказался, то подумал, что один только коридор здесь размером с квартиру — большой, квадратный и темный, как и весь дом. По стенам зачем-то стояли стулья с изогнутыми спинками, один — под большим зеркалом в деревянной раме, с зелеными пятнами, похожими на островки в море. Несколько ступенек вели в подвал, но Микс ни разу там не был, и, насколько он знал, туда долгие годы никто не заходил.

Заходя, он всегда надеялся, что старухи не окажется, и обычно так и случалось, но сегодня ему не везло. В своем обычном длинном кардигане и юбке она стояла у огромного стола, который, наверное, весил тонну, держа в руках цветную рекламку тибетского ресторана. Увидев его, она произнесла:

— Добрый день, мистер Селлини.

Она растягивала слова на великосветский манер и вкладывала в них, как показалось Миксу, изрядную долю презрения.

Если он не мог избежать беседы с Гвендолин Чосер, то изо всех сил старался произвести на нее впечатление. Впрочем, ему ни разу это не удавалось.

— Ни за что не догадаетесь, где я был, — сказал он.

— Конечно, нет, — отозвалась она, — даже пытаться не буду.

Ехидная старая перечница.

— В Риллингтон-плейс, — сказал он, — или, можно сказать, там, где она раньше была. Хотелось по-

смотреть, где Кристи сжег тех женщин, но от дома не осталось и следа.

Старуха положила на стол рекламку, которая, без сомнения, пролежит там много месяцев. А потом она удивила его.

— Я была там однажды, в молодости.

— Да? А зачем?

Он понимал, что она не расскажет. И не ошибся.

— По своим причинам. Вообще я пробыла в доме не больше получаса. Он был неприятным человеком.

Микс не смог удержать восторга.

— Какое впечатление он произвел на вас? Вы чувствовали, что находитесь рядом с убийцей? А его жена тоже там была?

Старуха холодно рассмеялась.

— Ради бога, мистер Селлини, мне некогда отвечать на ваши вопросы. У меня дела.

Какие еще дела? Старая ведьма практически ничем не занимается, только читает, насколько ему известно. Прочитала, наверное, тысячи книг. Микс был разочарован. Она подразнила его, но толком не ответила. Наверняка знала о Реджи очень много, но была слишком замкнута, чтобы говорить об этом.

Микс начал подниматься по лестнице. Он ненавидел ее всей душой, хотя она не была ни узкой, ни шаткой, ни крутой. Ступенек было пятьдесят две, и хуже всего, что они делились на три пролета: двадцать две в первом пролете, семнадцать во втором и тринадцать в последнем. Цифра «тринадцать» расстраивала Микса больше, чем неприятные сюрпризы и грубая старуха. К счастью, номер дома был пятьдесят четыре.

Однажды, когда старой Чосер не было, Микс со- считал спальни, кроме своей собственной, и обнару- жил, что их девять. Некоторые обставлены, если это можно назвать мебелью, некоторые пустые. Весь дом был грязным. Хотя старуха иногда бродила с тряп- кой, Микс понимал, что генеральную уборку не де- лали годы, а то и десятилетия. Деревянные картины с вырезанными щитами, шлемами, мечами, лицами и цветами, листьями, венками и лентами тонули под толстым слоем пыли. Перила и карнизы, как и кар- тины на стенах, затянуты паутиной. Старуха Чосер жила в этом доме всю свою жизнь. Сначала с роди- телями, потом только с отцом, а еще позже — одна. Микс больше ничего о ней не знал. Он даже не знал, почему она превратила три верхние комнаты в квар- тире.

После первого пролета лестница сузилась, а на самом верху ступени были выложены плиткой, а не устланы ковром. Микс никогда раньше не видел лестницу из черной блестящей плитки. Какие бы ботинки он ни надевал, каблуки жутко стучали или клацали, и молодой человек считал, что старуха на- рочно сделала ступени такими, чтобы точно знать, когда ее квартирант приходит и уходит. Он уже да- же привык снимать туфли и передвигаться в носках. Это совершенно не значило, что он занимался чем-то из ряда вон выходящим, просто не хотелось, чтобы старуха лезла в его дела.

Пол лестничной площадки пестрел разноцвет- ными пятнами — через витражное окно пробивался свет. Витраж являл собой изображение девочки, за- глядывающей в горшок с каким-то растением. Когда

старая Чосер впервые привела его сюда, она назвала это окно «окном Изабеллы», а картину — «Изабелла и горшок с базиликом». Впрочем, для Микса это ничего не значило. Насколько он знал, базилик можно купить в «Теско», а девочка казалась больной из-за белого лица. И Микса не порадовало, что придется каждый раз созерцать этот витраж.

Микс называл свое жилище «квартирой», но старая Чосер говорила, что это «комнаты». По мнению Микса, старуха жила прошлым. Только в отличие от большинства стариков она отстала от жизни не на тридцать-сорок лет, а на целые сотни.

Микс сам отремонтировал свою кухню и вместе с Эдом и его друзьями установил ванну. Он заплатил за все сам, поэтому мисс Чосер не на что жаловаться. Наоборот, она должна была остаться довольной, ведь все это оставалось и для следующих квартирантов, когда он станет знаменитым и переедет в другое место. Однако проблема была в том, что старуха вообще не видела смысла в ванной. Она сказала, что в дни ее молодости в спальне имелся ночной горшок и умывальник, а служанка приносила горячую воду.

У Микса была спальня и большая гостиная, стены были увешаны огромными фотографиями Нериссы Нэш, вырезанными из газет. Он вырезал их еще тогда, когда все называли ее бледной тенью Наоми Кэмпбелл. Теперь же ее называли совсем не так.

Микс смотрел на фотографию. Входя в квартиру, он, как верующий перед иконой, задерживался у своей святыни. Но вместо молитвы его губы шептали: «Я люблю тебя, я люблю тебя».

Он неплохо зарабатывал в «Фитераме» и мог позволить себе такую квартиру. Телевизор, видео и DVD-проигрыватель были куплены в кредит, как и большинство кухонных принадлежностей, но, по словам Эда, так поступали все. Микс заплатил за белый ковер и серый твидовый костюм наличными, а еще, поддавшись импульсу, но ни разу не пожалев об этом, купил мраморную статуэтку обнаженной девушки. Рамки для фотографий Нериссы были хромированы под цвет телевизора. На книжных полках из черного ясеня он хранил коллекцию книг о Реджи: «Риллингтон-плейс, 10», «Джон Реджинальд Холлидей Кристи», «Легенда Кристи», «Убийство в Риллингтон-плейс» и «Жертвы Кристи». А также DVD-фильм Ричарда Аттенборо «Риллингтон-плейс, 10». Возмутительно, думал он, Голливуд только и делает, что снимает римейки, а ни разу не вспомнил об этом фильме. Фильме, который он так часто пересматривал. Ричард Аттенборо был великолепен, это бесспорно, но совсем не походил на Реджи — тут нужен актер повыше, с резкими чертами лица и горящими глазами.

Микс любил помечтать о том, что когда-нибудь станет знаменитым — благодаря либо Нериссе, либо своим исключительным знаниям о Реджи. Уже, наверное, никого не осталось в живых — даже Людовика Кеннеди, написавшего ту самую книгу, — кто знал бы о Реджи больше его. Возможно, это его миссия — возродить интерес к Риллингтон-плейс и ее самому знаменитому обитателю, несмотря на то что после сегодняшнего неприятного открытия перспективы казались туманными. Ничего, он решит эту

проблему. Возможно, сам напишет книгу о Реджи без всяких идиотских спекуляций о гнусном извращенце. Его книга привлечет внимание к убийце, как к художнику.

Было уже почти шесть вечера. Микс налил себе любимый напиток. Он сам придумал его и назвал «Удар каблуком», поскольку тот быстро ударял в голову. Странно, что никто не разделял его любви к смеси двойной порции водки, стакана «Совиньона» и столовой ложки «Куантро» со льдом. У него в холодильнике всегда полно льда. Но Микс успел сделать всего глоток, когда запищал мобильный.

Звонила Колетт Гилберт-Бамберс. Сообщила, что сломалась беговая дорожка и ее нужно срочно починить. Возможно, ничего серьезного, но кто знает? Муж уехал, а ей пришлось остаться дома, поскольку она ждет важного звонка. Микс понимал, на что она намекает. Быть влюбленным в свою далекую звезду, свою леди и королеву, не означает, что он не может позволить себе некоторых развлечений. Когда-нибудь они с Нериссой будут вместе, и все изменится. А пока...

Микс с сожалением поставил «Удар каблуком» в холодильник, но встреча важнее. Почистил зубы, прополоскал рот жидкостью, чем-то похожей по вкусу на его любимый коктейль, и спустился вниз по лестнице. Находясь в доме, невозможно понять, какая погода и светит ли солнце. Здесь всегда холодно и тихо. Всегда. Не слышно звуков с Хаммерсмит и Сити-лайн, с Лэтимер-роуд или Лэдброук-гроув. Шум доносился только с Вествей, но если не

знать, что это машины, то не догадаешься. Звук был похож на плеск волн, набегающих на берег, или на шум раковины, прижатой к уху. Просто тихий непрерывный шум.

С некоторых пор Гвендолин могла читать мелкие буквы только через лупу. Увы, большинство книг, которые ей интересны, были напечатаны именно таким шрифтом. Очки не помогали, когда она брала в руки «Провозглашение и падение Римской империи» и «Миддлмарч» Джордж Элиот, изданные в девятнадцатом столетии.

Как и ее спальня, кабинет прятался в глубине дома, два подъемных окна выходили на улицу, а французские двери — в садик. Гвендолин любила читать на диване с темной обивкой, на спинке которого возвышался оскалившийся дракон из красного дерева. Хвост его спускался на подлокотник, а голова смотрела в черный мраморный камин. Вся мебель была выдержана в подобном стиле — резная, с бордовой или темно-зеленой бархатной обивкой, но некоторые предметы были из темного мрамора с прожилками на блестящих ножках. На стене висело огромное зеркало, обрамленное позолоченными листьями и фруктами, которые потускнели от времени и пыли.

Французские двери вели в садик, который сейчас утопал в мягком вечернем свете. Гвендолин по-прежнему видела его таким, каким он был однажды, — лужайка, похожая на зеленый бархат, цветущий бордюр, аккуратные деревья с роскошными кронами. Вернее, она хотела бы его таким видеть, что вполне достижимо, если ухаживать за ним каждый день. Она не

замечала, что трава на лужайке по колено, клумбы заросли сорняками, на деревьях множество сухих ветвей. Мир печатного слова был важнее комфорта и уюта.

Временами память оказывалась сильнее книг. Тогда Гвендолин ложилась на кровать, смотрела на желтоватый потолок с паутиной по углам, на пыльную люстру, размышляла и вспоминала.

Ей не нравился Селлини, но это не имело значения. Его грубые расспросы пробудили спящие воспоминания. Кристи и его убийства, Риллингтон-плейс, ее страх, доктор Ривз и Берта. Прошло по меньшей мере пятьдесят два года. Может, пятьдесят три. Риллингтон-плейс была омерзительной трущобой — ряд стандартных домов, парадные двери выходят на улицу, а в конце — литейный цех с длинной трубой. Пока Гвендолин там не побывала, она и не подозревала, что такие места существуют. Она жила в уединении и до того дня, и после. Берта, наверное, вышла замуж — женщины такого сорта всегда выходят. Возможно, у нее куча детей, уже взрослых, а первенец — причина ее несчастий.

Почему женщины ведут себя так? Гвендолин никогда не понимала этого. Сама она не поддавалась соблазну. Даже с доктором Ривзом. Ее чувства к нему всегда были целомудренными и уважительными. Как и его к ней. Она была уверена в этом, несмотря на его порой двусмысленное поведение. Возможно, в конце концов она выбрала правильный путь.

Почему, во имя всего святого, Селлини так интересовался Кристи? Это как-то ненормально. Гвендолин снова взялась за чтение. В другой книге Элиот, «Адам Бид», описывалась девушка, которая вела